

---

## СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

---

Научная статья

УДК 177.9

EDN: BMOUDR

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-16

### К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В ЦИФРОВОМ МИРЕ. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД

**Василий Владимирович Белкин**

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

[consigliori2003@mail.ru](mailto:consigliori2003@mail.ru)

**Аннотация.** *Актуальность и цели.* В связи со стремительно ворвавшейся в повседневность массовой цифровизацией возникает необходимость осмысления особенностей формирования правосознания в новой цифровой среде, а также особенностей восприятия индивидами виртуального пространства как специфической среды правовых отношений. С одной стороны, все более значимой становится правовое регулирование цифрового пространства, с другой – традиционные отрасли права все активнее подвергаются цифровизации в той или иной степени. В данной связи такая извечная проблема, как правовой нигилизм, приобретает специфические черты. Целью настоящей статьи является выявление особенностей проявления феномена правового нигилизма в контексте цифровизации. *Материалы и методы.* Методологической основой исследования является философская концепция исторического процесса, базирующаяся на диалектике родовой и индивидуальной сущности человека. Используются методы сравнительного анализа и критического осмысления существующей практики правового регулирования. *Результаты.* Рассмотрены формирование правосознания и нигилистическое отношение к праву, обусловленные спецификой цифрового пространства. Делается вывод о том, что правовой нигилизм в цифровом пространстве имеет существенные особенности в силу обусловленного машинной логикой, принципиально иного характера взаимодействий субъектов. Отмечаются характерные черты деформации правосознания в цифровой среде ввиду своеобразия отчуждения человека в виртуальном мире, что является основанием формирования специфических форм правового нигилизма. Указывается на опасность утраты индивидами возможности осмысленного целеполагания в правовом пространстве оцифрованных правовых систем. *Выводы.* Сделаны выводы о том, что в цифровом мире все предыдущие формы отчуждения родовой сущности человека, возможно, будут включены в цифровую его форму. Обращено внимание на необходимость разработки новых подходов к правовому воспитанию и цифровой социализации, прежде всего детей и молодежи. Подчеркнуты опасность дегуманизации права в цифровой среде, необходимость разработки более гибких и эффективных механизмов правового регулирования, учитывающих особенности современной цифровой среды.

**Ключевые слова:** правовой нигилизм, информационное пространство, информационное общество, родовая сущность, отчуждение

**Для цитирования:** Белкин В. В. К вопросу об отдельных аспектах проблемы правового нигилизма в цифровом мире. Социально-философский взгляд // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 171–180. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-16 EDN: BMOUDR

---

## SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

---

Original article

### ON THE QUESTION OF CERTAIN ASPECTS OF THE PROBLEM OF LEGAL NIHILISM IN THE DIGITAL WORLD. SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

Vasily V. Belkin

Perm State National Research University, Perm, Russia

[consigliori2003@mail.ru](mailto:consigliori2003@mail.ru)

**Abstract.** *Background.* In connection with the mass digitalization that has rapidly burst into everyday life, there is a need to comprehend the peculiarities of the formation of legal consciousness in the new digital environment, as well as the peculiarities of individuals' perception of virtual space as a specific environment of legal relations. On the one hand, the legal regulation of digital space is becoming more and more important, on the other hand, traditional branches of law are increasingly exposed to digitalization to a greater or lesser extent. In this regard, such a perennial problem as legal nihilism acquires specific features. The purpose of this article is to identify the peculiarities of the phenomenon of legal nihilism in the context of digitalization. *Materials and methods.* The methodological basis of the study is the philosophical concept of the historical process, based on the dialectics of the generic and individual essence of man. Methods of comparative analysis, and critical thinking of the existing practice of legal regulation are used. *Results.* The features of the formation of legal consciousness and a nihilistic attitude to law, due to the specifics of the digital space, are considered. It is concluded that legal nihilism in the digital space has significant features due to the fundamentally different nature of interactions between subjects due to machine logic. The features of the deformation of legal consciousness in the digital environment are noted, due to the peculiarity of human alienation in the virtual world, which is the basis for the formation of specific forms of legal nihilism. The danger of individuals losing the ability to meaningfully set goals in the legal space of digitized legal systems is indicated. *Conclusions.* Conclusions are made that in the digital world all previous forms of alienation of the generic essence of a person may be included in its digital form. Attention is drawn to the need to develop new approaches to legal education and digital socialization, especially for children and young people. The danger of dehumanization of law in the digital environment, the need to develop more flexible and effective mechanisms of legal regulation that take into account the features of the modern digital environment are emphasized.

**Keywords:** legal nihilism, information space, information society, generic essence, alienation

**For citation:** Belkin V.V. On the question of certain aspects of the problem of legal nihilism in the digital world. Social and philosophical aspect. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):171–180. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-16

В нашу жизнь стремительно ворвалась массовая цифровизация, которая вывела технологическое развитие на новый, поистине революционный уровень. Интеллектуальные системы преобразили не только наш повседневный быт, но и базовые алгоритмы человеческого существования, изменив наши привычки, приоритеты и даже мировоззренческие ориентиры. С одной стороны, все более значимой становится правовое регулирование цифрового пространства, с другой – традиционные отрасли права все активней подвергаются цифровизации в той или иной степени. В данной связи такая извечная проблема, как правовой нигилизм, приобретает специфические черты. Анализ правового нигилизма в цифровом пространстве на методологической основе отчуждения родовой человеческой сущности с неизбежно-

стью приводит нас к феномену цифрового отчуждения и своеобразию его черт. Особое место в механике отчуждения нового цифрового типа занимают «цифровые платформы» – мощные инструменты, определяющие поведение миллионов людей. Необходимо задаться вопросом о том, как формируется новая идентичность в цифровом мире, где стремление оставить свой след в сети становится доминирующей целью, независимо от ценностного содержания.

С начала XXI в. в силу взрывного развития телекоммуникационных социальных технологий была сформирована принципиально новая среда жизнедеятельности человека – социальные сети и социальные платформы. Уникальность социальных платформ в том, что они обеспечивают, во-первых, предсказуемость, а во-вторых, управляемость жизнедеятельности индивидов без каких-либо дополнительных «приводных ремней» в виде организаций и денег [1, с. 90]. Принудительное приобщение индивидов к более активному включению в пространство цифрового мира даст возможность отказаться в дальнейшем от рыночных отношений, денег и заменит их нерыночной и некапиталистической распределительной системой, о которой уже давно пишут некоторые зарубежные авторы [2–4]. Поведение людей, погруженных в информационный кокон социальных платформ, становится во многом детерминировано получаемыми из них же персонифицированной информацией и эмоциями, которые в своей совокупности оказываются способны влиять на принятие индивидом социально значимых, в том числе юридических, решений, т.е. формировать личность человека, его мировоззрение и правосознание.

Широко обсуждается феномен киберсоциализации или интернет-социализации, в результате, с раннего возраста формируются типизированные личности индивидов, ассоциирующих себя с теми или иными персонажами игр или аватарами соцсетей. Отсюда феномены цифрового аутизма и размывание идентичности [5, 6]. Мы наблюдаем переход от цивилизации текстовой культуры и системного мышления к цивилизации визуальных образов, где не так важны аналитические способности и системный подход. Кроме того, важнейшим моментом представляется то, что в пространстве киберобщения аватары оказываются легко взаимозаменяемыми. С помощью технологии искусственного интеллекта, полностью освоившего устойчивые обороты, способы построения фраз и предложений, лексику индивида, возможно даже воскресить в Сети умершего субъекта, что, наверняка, останется незамеченным его контрагентами. Любой индивид теряет свою неповторимость и оказывается заменен в цифровом мире, что открывает путь для превращения уникальных человеческих атрибутов в безликий товар, предмет анонимного рыночного обмена. В связи с тенденцией потери индивидами своей человеческой уникальности, качественной определенности, обменянной на количественно однородные сигналы информационных сетей, не удивительно, что и бесцельность человеческой жизни становится убеждением многих. Возможно, поэтому всерьез обсуждается вопрос целесообразности сделать субъектами права нечеловеческие сущности [7] – искусственный интеллект, андроидов, а в перспективе киборгов и химер, которые смогут даже участвовать в различных электоральных процедурах, но, главное, этот шаг поможет увеличить количество потребителей.

Активность людей в виртуальном пространстве фиксируется, анализируется с помощью машинных технологий и становится объектом капитализации, т.е. отчуждается, определяется [8] и, обретая самостоятельное существование, возвращается к индивиду в виде контента, формирующего сферу его целеполагания в определенных, четко заданных направлениях<sup>1</sup>. Такая тенденция углубляет и цементирует социальную сегментацию. Пользователи социальных платформ оказываются заключенными в так называемые «информационные пузыри» или «капсулы», создаваемые самими социальными сетями (платформами). Эти «пузыри» формируются благодаря алгоритмам рекомендаций, которые предлагают пользователям контент, схожий с тем, который они даже мимолетно одобрили своим к нему вниманием. Таким образом, создается замкнутый цикл обратной связи, приводящий к тому, что пользова-

<sup>1</sup> Ашманов И. Цифровое пространство как поле боя // Ашманов и партнеры : сайт. URL: <https://www.ashmanov.com/education/articles/igor-ashmanov-tsifrovoe-prostranstvo-kak-pole-boya/> (дата обращения: 23.03.2025).

тели потребляют все более однотипный контент, что ведет к еще большей изоляции и, соответственно, отчуждению как отдельного человека, так и целых групп. Эта изоляция делает пользователей не просто уязвимыми, а практически беззащитными перед манипуляцией, поскольку их восприятие реальности оказывается ограниченным и односторонним. Иными словами, виртуальный двойник противопоставляется живому индивиду, порождая новые формы отчуждения и, соответственно, дегуманизации. Цифровые алгоритмы не только латентно задают правила и ритм жизни, но и с помощью технологии *deepfake* подменяют живых людей. Ключевым моментом представляется то, что человек вынужден выстраивать свою жизнедеятельность по меркам правил и алгоритмов, созданных на основе машинной логики, а не этики, правил, законов, созданных людьми и для людей, подчинение и следование которым, или же протест, он выбирает сознательно. Человек начинает терять саму возможность активного противостояния и несогласия с принудительными правилами опосредованных машинным кодом взаимодействий [9, с. 63]. При несогласии с предложенными вариантами (а иногда и без них) индивид просто оказывается «за бортом» всего пространства цифровой коммуникации. Другими словами, социальные платформы, шире – социальные сети, служат инструментом тотального, опосредованного киберсистемами «производства согласия» [10, с. 50] с предлагаемыми решениями, что неизбежно сокращает пространство для выражения индивидуальности, возможной критики, протеста, полемики. Более того, некоторые авторы отмечают, что не в ближайшем будущем, а в настоящем «главным делом человека становится уже не производство и потребление благ, но производство (в основном бессознательное) цифровых следов, служащих уникальным сырьем для обучения главного фактора современного развития – искусственных интеллектов» [1, с. 90]. Отрадно сознавать, что люди в такой системе все-таки оказываются необходимы, поскольку именно сама жизнедеятельность человека, вне какой-либо ее моральной или правовой оценки, сама по себе, сведенная к производству уникального, максимально разнообразного цифрового следа, станет общественной ценностью. «Главной ценностью человека стало его внимание, а главным средством обмена информатизированной экономики – не обмен благ на деньги, а обмен внимания на эмоции» [1, с. 91].

В качестве отступления представляется важным отметить, что в мире цифровых платформ планируется элиминация всей личной собственности на потребительские товары, о чем восторженно сообщила в своих восьми предсказаниях экоактивистка из Дании Ида Аукен: «Мне ничего не принадлежит. У меня нет машины. У меня нет дома. У меня нет ни бытовой техники, ни одежды»<sup>1</sup>.

На современном этапе развития мы наблюдаем завершение периода глобализации в форме вестернизации и постепенное разделение мира и мирового рынка на макрорегионы. Как предполагается, эти регионы будут конкурировать между собой в эффективности, в том числе и посредством искусственных интеллектов, обучающихся за счет разнообразия цифровых следов пользователей подконтрольных (искусственным интеллектам) цифровых платформ<sup>2</sup>. Государство в новых условиях начинает плавно трансформироваться в цифровое государство и, скорее всего, станет сродни одной из формирующихся цифровых платформ, в которой, как представляется, будут сконцентрированы его базовые внутренние функции, прежде всего социальные. Уже на практике внедряется принятие с помощью искусственного интеллекта решений управленческого характера не только в финансовой, технологической, но и правовой сфере [11], что неизбежно породит новые риски социального, этического и прежде всего юридического характера [12]. Фактически имеет место перекалывание волевых решений, непосредственно связанных с жизнью и судьбой человека, на машинные алгоритмы, что указывает на «отчуждение живого интеллекта в пользу технически опосредованного» [9, с. 64]. Если юри-

<sup>1</sup> 8 predictions for the world in 2030 // World Economic Forum : website. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/11/8-predictions-for-the-world-in-2030/> (дата обращения: 23.03.2025).

<sup>2</sup> Делягин М. Г. «Цифровой след» личности – новый смысл существования человечества и некоторые следствия этого // Свободная Мысль : сайт. URL: <http://www.svom.info/entry/1091-cifrovoy-sled-lichnosti-novyjsmysl-sushestvovaniya/> (дата обращения: 23.03.2025).



дические нормы и правоприменительная практика всегда имеют конкретного автора, субъекта решения, то алгоритмы и инфраструктура цифрового государства становятся во многом обезличенными, что, несомненно, ослабляет связь индивида с другими людьми, обществом и государством. Уважение к праву, конкретному закону так или иначе связано с субъектом законотворчества, атрибутом которого является способность издавать общеобязательные правила поведения и охранять их соблюдение принудительно.

Представляется возможной ситуация, когда цифровое отчуждение окажется потенциально способным объять, поглотить и переварить все предыдущие формы отчуждения родовых сущностных сил человека. Так, в классическом капитализме капитал представляет собой отчужденный от рабочих абстрактный труд, опредмеченные сущностные силы индивидов, сконцентрированные на одном, меньшем по численности, полюсе общества и противостоящие другой, больше его части. На базе экономической формы отчуждения существовали иные его виды: государство представляет собой политическую форму отчуждения родовой сущности человека, а духовная и идеологическая формы, обслуживая его, функционировали на множестве уровней и проявлялись в социальной реальности в виде формальных и неформальных объединений и организаций гражданского общества. В цифровом же пространстве институты привычного для нас общества и государства станут приложениями. Индивиды окажутся лишенными личной собственности, будут иметь лишь записи машинного кода, формирующие их о текущем статусе. При таких обстоятельствах возможно предположить, что останется только одна форма отчуждения сущностных сил индивидов – цифровая, вбирающая в себя остальные. Возникает вопрос о роли права, морали и других человеческих ценностей в ситуации тотального цифрового отчуждения.

Вопрос об этике цифрового мира активно обсуждается как зарубежными, так и отечественными исследователями. Так, Яна Мишич (Yana Mišić) указывает на то, что этика технологий уже сформировалась как бы сама собой [13]. Некоторые отмечают ценностную нейтральность технологии и цифрового мира, говоря, что ценностные доминанты не меняются в виртуальном пространстве и в конечном итоге решение принимает человек, а технология является лишь инструментом [14]. В этой связи Т. Г. Лушкевич, исследуя феномен цифрового отчуждения, приходит к выводу, что сетевые взаимодействия, подменяя реальные, живые человеческие связи, формируют некую особую «информационную систему ценностей» [15]. Если цифровая реальность представляет собой особый мир, живущий по своим дигитальным законам, то и у акторов такого мира в качестве этического «исходного кода», осознают они это или нет, должна присутствовать некая система специфических информационных ценностей. Какое же место право занимает и будет занимать в иерархии информационных, цифровых ценностей?

Как отмечается [16], в нынешней академической дискуссии относительно цифровой этики превалирует мнение, емко сформулированное А. А. Ивановым: «...никакого специального понятия цифровой этики не нужно, – это обычная этика, только в цифровой сфере» [17, с. 71]. Очевидно, что с такой позицией, да еще и поддержанной научным сообществом, трудно поспорить, однако до определенного момента. Необходимо поставить вопрос о том, каким же образом цифровая реальность изменит субъектов морального и правового выбора, что и необходимо установить.

А. А. Иванов в том же докладе, описывая тенденцию машинизации правовых норм, выражающуюся в автоматизации принятия правоприменительных решений, справедливо указывает на то, что не все правовые нормы и институты могут быть оцифрованы. Нормы высокого уровня, основополагающие нормы-принципы и нормы, слишком абстрактные, основывающиеся на метаюридических источниках, не поддаются машинной логике, поэтому цифровую форму обретут, прежде всего, нормы, регулирующие простые, примитивные отношения. Например, хорошо всем знакомые автоматические постановления по фактам нарушения правил дорожного движения. В этой связи система права разделяется на ядро и периферию, где «ядро – это и есть то, что станет новой цифровой гуманностью, то, что должно остаться у людей как показатель их собственной ценности в новых условиях» [17, с. 73].

Представляется, что сложно сформулированные, возможно нерациональные, не поддающиеся формальной машинной логике правовые нормы являются не проблемой, как думают некоторые адепты цифровизации. Они выступают принципиально человеческими, человеко-размерными без какой-либо положительной или отрицательной окраски. В данном контексте ползучий процесс машинизации правовых норм следует рассмотреть как еще один шаг на пути дегуманизации. Линия разлома пролегает в возможности полной цифровизации всех правовых норм, в эпоху ускоряющихся темпов цифрового отчуждения массы индивидов такая ситуация грозит возможной потерей не формальной, а сущностной правосубъектности значимой части индивидов.

Как известно из теории права, формальная и сущностная правосубъектность – это два аспекта, характеризующие правовое положение субъекта в системе правоотношений. Они отражают разные уровни признания лица субъектом права и его способности участвовать в этих отношениях. Формальная правосубъектность связана с признанием за субъектом статуса участника правовых отношений. Она включает в себя две составляющие: правоспособность (это возможность иметь субъективные права и обязанности) и дееспособность (способность своими действиями приобретать и осуществлять права, а также исполнять обязанности). Таким образом, формальная правосубъектность определяет юридическое признание субъекта как носителя прав и обязанностей, но она не всегда отражает реальную способность субъекта действовать в рамках этих прав и обязанностей. Сущностная (материальная) правосубъектность касается фактической возможности субъекта реализовать свои права и выполнять обязанности. Она зависит от множества факторов, включая реальное наличие ресурсов (социальных, финансовых, материальных, интеллектуальных) для осуществления своих прав и исполнения обязанностей; фактическую способность понимать значение своих действий и предвидеть их последствия; внешние по отношению к субъекту социальные и экономические условия, влияющие на возможность реализации прав и выполнения обязанностей. Таким образом, разница между формальной и сущностной правосубъектностью заключается в том, что формальная правосубъектность фиксирует юридические рамки участия субъекта в правовых отношениях, предоставляя ему статус обладателя прав и обязанного лица, а сущностная правосубъектность отражает реальную возможность субъекта использовать эти права и исполнять обязанности, учитывая внешние факторы и личные качества.

Представляется закономерным, что в мире цифровых платформ лишь у меньшей части индивидов, относящейся к определенным стратам общества (имеющим доступ к привилегированному положению в цифровом пространстве), будет насущная необходимость пользоваться неоцифрованной частью ядра правовой системы, составляющей остаточный гуманизм. Тенденция при этом уже сейчас направлена на сокращение объема неоцифрованного ядра правовой системы по мере усиления способностей искусственного интеллекта. Представляется, что большая часть людей, продавая свое время и активность за эмоции и подвергаясь манипуляциям, частично утратят способность к осмысленному и самостоятельному, ответственному целеполаганию.

Складывается ситуация, когда уже не сословное, классовое, экономически обусловленное материальное положение, а именно интеллектуальные, эмоциональные, волевые качества индивидов могут оказаться недостаточными, чтобы быть субъектами права. Такая ситуация внешне схожа с несоответствием субъективных прав и реальных потребностей индивидов в классическом капитализме. Так, еще в ранних работах К. Маркс подметил такую особенность правового оформления буржуазных общественных отношений: «Выработанный людьми закон дал собственникам право пользоваться и злоупотреблять своей собственностью, т.е. делать все, что им угодно, с любыми объектами труда... Закон отнюдь не обязывает их всегда и вовремя предоставлять работу тем, кто не имеет собственности, или выплачивать им всегда достаточную заработную плату и т.д.» [18]. В этой связи социологи Сол Пиччиотто и Роберт Файн, раскрывая механизмы функционирования правовой системы, в частности Великобритании, отмечали, что центральная проблема, связанная с ролью права в классовом обществе, – это видимость его автономии и нейтральности: «В буржуазном праве

субъективное право на труд признается не как право миллионов безработных, а как право штрейкбрехера или не состоящего в профсоюзе рабочего. Нет никакого права на достойное жилье, но есть право беспрепятственно владеть своим жилищем, будь то лачуга или дворец. Другие социальные права, такие как право на здоровье, не признаются в качестве юридически гарантированных и зависят от превратностей государственного обеспечения»<sup>1</sup>. В сфере электронных взаимоотношений создается схожая иллюзия, будто в цифровом мире, обусловленном машинной логикой систем коммуникации, отсутствует какая-либо ценностная составляющая, однако вектор развития информационных технологий однозначно указывает на сокращение пространства нерациональных, абстрактных, но при этом подлинно человеческих отношений, да и гуманизма как такового. Пространство свободы и, как ни странно, социального прогресса (для некоторой части индивидов) неминуемо сокращается. «Появление права является одним из признаков, характеризующих человеческие сообщества, существующие в рамках истории, так как свидетельствует о появлении человеческих индивидуумов, обладающих определенной социальной свободой: возможностью действовать, осуществляя сознательный выбор того или иного поведения на основе социально признанных норм должного» [19, с. 230]. Представляется, что с утратой возможности сознательного выбора правового поведения право перестает быть маркером социального прогресса, каким оно было с момента своего возникновения, описывая, с одной стороны, сферу должного, а с другой – потенциал для раскрытия сущностных сил человека.

Таким образом, индивиды, направляемые машинным кодом автоматизированных взаимодействий, находятся в ситуации исчезновения своей социальной свободы, фактически самоустраиваются от своей самости, лишаются или лишают сами себя тяжелой ноши *решения*. Правосознание индивидов сжимается вместе со свободой. В такой ситуации нигилизм по отношению к праву оказывается во многом просто невозможен, так как, чтобы негативно относиться к праву либо не признавать его ценность, нужно обладать хоть каким-то правосознанием, основанным на самостоятельном рациональном мышлении, рефлексии права. В мире цифрового отчуждения для большей части индивидов элиминируется пространство права, поскольку они теряют свою социальную и духовную силу. Только люди, способные, в самом широком смысле, проецировать свою социальную силу, оказываются достойными иметь права и исполнять обязанности, «принимать решения со знанием дела» [20, с. 69], что и является маркером способности реализовывать свободу воли. Описываемая ситуация, очевидно, несводима к часто встречающемуся упрощенному – «просветительскому» взгляду на правовой нигилизм, сводящему его причины к правовой неразвитости субъектов права, наличию серьезных пробелов в правовом образовании и воспитании. Проблематика переселения человечества «из вселенной Гуттенберга во вселенную Цукерберга» предполагает куда более фундаментальные изменения как самих индивидов, так и их отношений.

Следует отдельно отметить, что правовой нигилизм в данной ситуации часто выражается не в пренебрежении к праву как ценности или конкретным законам, а в бездумном соглашательстве с предложенными вариантами поведения (спасибо тестовой системе в образовании), которые предоставляются субъекту правоотношения как в цифровом, так и в реальном мире.

Такая пассивная форма правового нигилизма исследовалась правоведами [21, с. 193]. Если с активным пренебрежением законом ситуация понятна, то в пассивной покорности без критического анализа скрывается существенная вредность для общества. Человек слепо следует установленным нормам, не задумываясь об их правомерности или целесообразности. Этот тип правового нигилизма примечателен тем, что внешне он может казаться законопослушанием, однако на самом деле это форма отказа от критического восприятия права. В этой связи представляется уместным сослаться на И. Канта, который утверждал, что «понятие пассивный гражданин кажется противоречащим дефиниции понятия гражданин вообще» [22].

В результате, проживающие в своих цифровых «пузырях», формирующихся благодаря алгоритмам рекомендаций, индивиды приучаются к априорному цифровому конформизму –

<sup>1</sup> Пиччиотто С., Файн Р. О марксистской критике права // Критика права : сайт. URL: [http://kritikaprava.org/library/93/o\\_marksistskoj\\_kritike\\_prava](http://kritikaprava.org/library/93/o_marksistskoj_kritike_prava) (дата обращения: 23.03.2025).

автоматическому принятию и подчинению определенным цифровым стандартам или нормам без критического анализа. С другой же стороны – работает холодная машинная логика применения норм и правил автоматизированной системы права, имманентно стремящейся минимизировать объем ее остающегося человекообразного ядра. Стираются границы человеческого и машинного. Переход от текстового контента к визуальному указывает на изменения в способах восприятия информации обществом, что приводит к снижению аналитических способностей и системного мышления у индивидов, погруженных в свой информационный кокон.

С учетом обозначенных тенденций может оказаться, что в формирующемся цифровом мире многие люди могут потерять саму возможность иметь целостное правосознание и выражать нигилистические идеи. Право быть человеком в обществе, где применение правовых норм осуществляется людьми и для людей, станет предметом социальной борьбы. Кроме того, представляется необходимым создание механизмов, защищающих людей от бездумного формализма электронных систем, особое внимание необходимо уделять бесконтрольным процессам цифровой социализации, прежде всего детей и молодежи.

### Список литературы

1. Делягин М. Г. Общество социальных платформ и цифровых следов: новые аспекты старых проблем // Многополярная глобализация и Россия : сб. тр. VIII Междунар. науч.-практ. конф. памяти А. Ю. Архипова (г. Ростов-на-Дону – Таганрог, 20–22 мая 2021 г.). Ростов н/Д. : Южный федеральный университет, 2021. С. 89–94. EDN: JGJDDP
2. Attali J. Une brève histoire de l'avenir. Paris : Fayard, 2006. 422 p.
3. Attali J. Demain, qui gouvernera le monde? Paris : Fayard, 2011. 418 p.
4. Schwab K., Malleret T. COVID-19: the Great Reset. World Economic Forum Publishing, 2020. 110 p. URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf>
5. Щеглов И. А. Киберсоциализация как предмет социально-философского осмысления // Гуманитарный вестник. 2019. № 5 (79). С. 4. doi: [10.18698/2306-8477-2019-5-625](https://doi.org/10.18698/2306-8477-2019-5-625) EDN: YQXTOK
6. Плешаков В. А. Основы религиозного воспитания в контексте киберсоциализации человека // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4, Педагогика. Психология. 2013. № 4 (31). С. 9–17. EDN: RVBGYZ
7. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48. doi: [10.17323/2072-8166.2018.4.24.48](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.24.48) EDN: PVWZMM
8. Срничек Н. Капитализм платформ : монография / пер. с англ. М. Добряковой. М. : Высшая школа экономики, 2019. 128 с. EDN: VRPYEZ
9. Зарубина Н. Н. Тенденции дегуманизации в цифровом обществе: к обоснованию гуманистического подхода к технологическому развитию // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 4. С. 60–70. doi: [10.18384/2310-7227-2021-4-60-70](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2021-4-60-70) EDN: KLBWBM
10. Herman E., Chomsky N. Manufacturing Consent: the Political Economy of the Mass Media. New York : Pantheon Books, 1988. 412 p.
11. Шананин В. А. Применение систем искусственного интеллекта в судебной практике // Юридическая наука. 2022. № 11. С. 143–147. EDN: MCLDGC
12. Емелин В. А. От неолуддизма к трансгуманизму: сингулярность и вертикальный прогресс или утрата идентичности? // Философия науки и техники. 2018. Т. 23, № 1. С. 103–115. EDN: XOSFYT
13. Mišić J. Ethics and governance in the digital age // European View. 2021. Vol. 20 (2). P. 175–181.
14. Pitt J. C. "Guns Don't Kill, People Kill"; Values in and/or Around Technologies // The moral status of technical artefacts. Philosophy of engineering and technology / ed. by P. Kroes, P.-P. Verbeek. Berlin : Springer, 2014. P. 89–102. doi: [10.1007/978-94-007-7914-3\\_6](https://doi.org/10.1007/978-94-007-7914-3_6)
15. Лешкевич Т. Г. Феномен цифрового отчуждения // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе : сб. тр. II Всерос. науч. конф. (г. Нижний Новгород, 29 ноября – 1 декабря 2019 г.). Н. Новгород : Красная ласточка, 2019. С. 137–139. doi: [10.24411/9999-036A-2019-00051](https://doi.org/10.24411/9999-036A-2019-00051) EDN: BTVVVH



16. Сунами А. Н. Этика «цифрового общества»: новый конфликт или новый баланс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39, № 3. С. 544–556. doi: [10.21638/spbu17.2023.311](https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.311) EDN: [TSTAGD](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.21638/spbu17.2023.311)
17. Иванов А. А. Цифровая этика и право // Закон. 2021. № 4. С. 67–73. doi: [10.37239/0869-4400-2021-16-4-67-73](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2021-16-4-67-73) EDN: [FDEBLD](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.37239/0869-4400-2021-16-4-67-73)
18. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. М. : Прогресс, 1981. 216 с.
19. Поляков А. В. Правогенез // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 5 (238). С. 216–234. EDN: [TLRDIV](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.21638/spbu17.2023.311)
20. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. Т. 14: Июль 1857 – ноябрь 1860. М. : Госполитиздат, 1959. 897 с.
21. Букина Е. Е. Философское осмысление форм правового отчуждения: правовой нигилизм, правовой фетишизм, правовой инфантилизм // Философия, социология, право: традиции и перспективы : сб. науч. тр. Всерос. науч. конф., посвященной 30-летию Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск, 19–20 ноября 2020 г.). Новосибирск : Офсет, 2020. С. 191–196. doi: [10.47850/S.2020.1.55](https://doi.org/10.47850/S.2020.1.55) EDN: [YGLEDN](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.47850/S.2020.1.55)
22. Кант И. Метафизика нравов / пер. с нем., примеч. С. Я. Шейнман-Топштейн и Ц. Г. Арзаканьяна. М. : Мир книг : Литература, 2007. 399 с. EDN: [QWPBOB](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.37239/0869-4400-2021-16-4-67-73)

### References

1. Delyagin M.G. Society of social platforms and digital tracks: new aspects of old problems. *Mnogopolyarnaya globalizatsiya i Rossiya: sb. tr. VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pamyati A.Yu. Arkhipova (g. Rostov-na-Donu – Taganrog, 20–22 maya 2021 g.) = Multipolar globalization in Russia: proceedings of VII International scientific and practical conference dedicated to A.Yu. Arkhipov (Rostov-on-Don – Taganrog, 20 – 22 May, 2021)*. Rostov n/Don: Yuzhnyy federal'nyy universitet, 2021:89–94. (In Russ.)
2. Attali J. *Unebrève histoire del'avenir*. Paris: Fayard, 2006:422.
3. Attali J. *Demain, qui gouvernera le monde?* Paris: Fayard, 2011:418.
4. Schwab K., Malleret T. *COVID-19: the Great Reset*. World Economic Forum Publishing, 2020:110. Available at: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf>
5. Shcheglov I.A. Cybersocialization as a subject of social and philosophical thinking. *Gumanitarnyy vestnik = Humanitarian bulletin*. 2019;(5):4. (In Russ.). doi: [10.18698/2306-8477-2019-5-625](https://doi.org/10.18698/2306-8477-2019-5-625)
6. Pleshakov V.A. Foundations of religious upbringing in the context of cybersocialization of a person. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 4, Pedagogika. Psikhologiya = Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Series 4, Pedagogy. Psychology*. 2013;(4):9–17. (In Russ.)
7. Gadzhiev G.A., Voynikanis E.A. Can a robot be a subject of law? (search for legal forms for regulating digital economics). *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of Higher School of Economics*. 2018;(4):24–48. (In Russ.). doi: [10.17323/2072-8166.2018.4.24.48](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.24.48)
8. Srnichek N. *Kapitalizm platform: monografiya = Platform capitalism: monograph*. Translated from English by M. Dobryakova. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, 2019:128. (In Russ.)
9. Zarubina N.N. Trends of dehumanization in digital society: to justifying humanistic approach to technological development. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki = Bulletin of Moscow State Regional University: Series: Philosophical sciences*. 2021;(4):60–70. (In Russ.). doi: [10.18384/2310-7227-2021-4-60-70](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2021-4-60-70)
10. Herman E., Chomsky N. *Manufacturing Consent: the Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books, 1988:412.
11. Shananin V.A. Applying artificial intelligence systems in court practice. *Yuridicheskaya nauka = Legal science*. 2022;(11):143–147. (In Russ.)
12. Emelin V.A. From Neo-Luddism to Transhumanism: singularity and vertical progress or loss of identity? *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of science and engineering*. 2018;23(1):103–115. (In Russ.)
13. Mišis J. Ethics and governance in the digital age. *European View*. 2021;20(2):175–181
14. Pitt J.C. “Guns Don’t Kill, People Kill”; Values in and/or Around Technologies. *The moral status of technical artefacts. Philosophy of engineering and technology*. Berlin: Springer, 2014:89–102. doi: [10.1007/978-94-007-7914-3\\_6](https://doi.org/10.1007/978-94-007-7914-3_6)
15. Leshkevich T.G. Phenomenon of digital alienation. *Revolutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, obshchestve: sb. tr. II Vseros. nauch. konf. (g. Nizhny Novgorod, 29 noyabrya – 1 dekabrya 2019 g.) = Revolution and evolution: the model of development in science, culture, society: proceedings*

of II All-Russian scientific conference (Nizhny Novgorod, 29 November – 1 December, 2019). Nizhny Novgorod: Krasnaya lastochka, 2019:137–139. (In Russ.). doi: [10.24411/9999-036A-2019-00051](https://doi.org/10.24411/9999-036A-2019-00051)

16. Sunami A.N. Ethics of “digital society”: new conflict or new balance. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* = *Bulletin of Saint-Petersburg University: Philosophy and conflictology*. 2023;39(3):544–556. (In Russ.). doi: [10.21638/spbu17.2023.311](https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.311)

17. Ivanov A.A. Digital ethics and law. *Zakon* = *Law*. 2021;(4):67–73. (In Russ.). doi: [10.37239/0869-4400-2021-16-4-67-73](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2021-16-4-67-73)

18. Marks K. *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 g.* = *Economic and philosophical manuscripts of 1844*. Moscow: Progress, 1981:216. (In Russ.)

19. Polyakov A.V. Genesis of law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* = *University proceedings. Legal sciences*. 2001;(5):216–234. (In Russ.)

20. Marks K., Engel's F. *Sochineniya: v 30 t. T. 14: Iyul' 1857 – noyabr' 1860* = *Essays in 30 volumes. Vol. 14: July 1857 – November 1860*. Moscow: Gospolitizdat, 1959:897. (In Russ.)

21. Bukina E.E. Philosophical understanding of the forms of legal alienation: legal nihilism, legal fetishism, legal infantilism. *Filosofiya, sotsiologiya, pravo: traditsii i perspektivy: sb. nauch. tr. Vseros. nauch. konf., posvyashch. 30-letiyu Instituta filosofii i prava SO RAN (g. Novosibirsk, 19–20 noyabrya 2020 g.)* = *Philosophy, sociology, law: traditions and perspectives: proceedings of All-Russian scientific conference dedicated to 30<sup>th</sup> anniversary of the Institute of Philosophy and Law of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, 19–20 November, 2020)*. Novosibirsk: Ofset, 2020:191–196. (In Russ.). doi: [10.47850/S.2020.1.55](https://doi.org/10.47850/S.2020.1.55)

22. Kant I. *Metafizika нравов* = *Metaphysics of morals*. Translated from German, notes by S.Ya. Sheinman-Topstein, Ts.G. Arzakanyan. Moscow: Mir knig: Literatura, 2007:399. (In Russ.)

#### Информация об авторе / Information about the author

В. В. Белкин – ассистент кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7293-9728>

V.V. Belkin – Assistant of the Department of Philosophy, Perm State National Research University, 15 Bukireva street, Perm, 614990. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7293-9728>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 02.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 30.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025